

О. С. Иссерс О. S. Issers
Омск, Россия Омск, Russia**«КРЕМЛЕВСКИЙ РЕПОРТАЖ»:
СТАРЫЙ ЖАНР В НОВОЙ РАМКЕ**

Аннотация. Рассматривается изменение традиционного жанра официального репортажа. Обсуждаются приемы создания иронических смыслов и языковой игры в репортажах о визитах президента и премьер-министра. Демонстрируется трансформация одного из канонических жанров официальной журналистики.

Ключевые слова: репортаж; ирония; жанр; рефрейминг.

Сведения об авторе: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: isserso@mail.ru.

**«KREMLIN REPORTAGE»:
OLD GENRE IN A NEW FRAME**

Abstract. Changes in traditional genre of official reportage are researched in the article. Ways of ironic sense creation and language games in the reportages on president's and prime-minister's visits are discussed. The bottom line: one of the canonic journalistic genre is being transformed.

Key words: reportage; irony; genre; reframing.

About the author: Issers Oxana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Dean of The Department of Philology and Media, Head of Theoretical and Applied Linguistics Chair.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Там, где была ирония, больше света и больше истины.
В. Янкелевич

Важнейшую роль в процессе формирования и трансформации имиджа высших должностных лиц государства играют средства массовой информации. В России освещением деятельности верховного руководства занимается так называемый *кремлевский пул* — аккредитованные журналисты крупных печатных изданий, телеканалов, радиостанций и информационных агентств. Журналисты «кремлевского пула» присутствуют на всех значимых российских событиях, проходящих с участием первого лица государства, сопровождают президента в ходе его визитов. Пул существовал при Б. Н. Ельцине, В. В. Путине, продолжил свою работу при Д. А. Медведеве и вновь избранном в 2012 г. В. В. Путине [См.: Кремлевский пул].

За годы существования кремлевского пула традиционный журналистский репортаж о событиях с участием главы государства трансформировался в новый жанр — «кремлевский репортаж». Впервые это обозначение жанра появилось в предисловии А. Васильева к книге А. Колесникова «Я Путина видел» [Колесников 2005а: 3]. В дальнейшем эта дискурсивная практика нашла продолжение в репортажах А. Колесникова, собранных в книгу «Меня Путин видел» [Колесников 2005б] и «Раздвоение ВВП: Как Путин Медведева выбрал» [Колесников 2008]. Сегодня такого рода материалы разных авторов регулярно публикуются в федеральных СМИ («Коммерсантъ», «Российская газета»,

«Ведомости» и др.) и региональных изданиях. В связи с этим закономерно поставить вопрос о жанровой специфике «кремлевского репортажа» (или, шире, официального) и степени его трансформации по сравнению с «каноническим» жанром.

В научной литературе изучение особенностей такого информационного жанра, как репортаж, обычно ограничивается кратким описанием истории его становления и перечнем практических рекомендаций по написанию [Тертычный 2005; Мельник, Ким 2006 и др.]. В то же время феномен «кремлевского репортажа», сформировавшегося в последнее десятилетие, еще не был предметом специального лингвистического анализа.

Это определило цель исследования — изучить пути становления и жанровые признаки современного кремлевского репортажа, а также определить его роль в формировании имиджа первого лица государства. Материалом послужили статьи А. Колесникова, опубликованные в изданиях издательского дома «Коммерсантъ» в 2005—2009 гг. и его книге «Раздвоение ВВП: как Путин Медведева выбрал» (М., 2008), а также публикации в других изданиях, отвечающие канонам «нового старого» жанра.

В соответствии с традиционной классификацией журналистских жанров, репортаж — это «публицистический жанр, дающий наглядное представление о событии через не-

посредственное восприятие автора — очевидца или участника события» [Тертычный 2005: 156]. Задача любого репортажа заключается прежде всего в том, чтобы дать аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца-журналиста, т. е. создать так называемый эффект присутствия [Шибалева: 55].

За годы советской власти в СССР сложился жанр репортажа, освещающего события официальной государственной жизни. По своей идеологической и жанровой сути он близок к ритуалу. Известно, что ритуализация политической коммуникации была наиболее естественной формой замены реальной политики в то время [Купина 1995; Советское прошлое... 2009]. Однако она не удовлетворяла и не могла удовлетворить все потребности социума. Как следствие, в СССР сформировалась особая «культура подтекста»: если чисто ритуальные формы не несли актуальной информации, то дополнительную семантическую нагрузку брали на себя иные составляющие коммуникативного взаимодействия — порядок следования тем в диалоге, отсутствие упоминания или, наоборот, упоминание тех или иных лиц, событий и пр. [Баранов, Казакевич 1991: 10]. Кардинальное изменение политической жизни на постсоветском пространстве поменяло многое и в общественных ритуалах, и в коммуникативных стилях членов социума. Однако среди меняющегося социального и языкового ландшафта долгое время сохранялись заповедные уголки, не затронутые ветрами перемен. К ним можно отнести репортажи о работе первых лиц государства. Большинство официальных информационных сообщений об их деятельности и визитах строились по моделям, освоенным на протяжении предшествующих лет. Однако стремление современных СМИ к расширению диалога с читателем, сокращению дистанции между изданием и его адресатом, активная диффузия жанров и стилей не могли обойти стороной и этот «заповедный жанр».

Сопоставление типических признаков жанра традиционного официального репортажа и кремлевского репортажа начала XXI в. позволило увидеть отличительные особенности последнего и выявить приемы иронического описания событий, характерные для трансформированного жанра. Все эти приемы подчинены главной задаче — «писать о президенте интересно», как несколько лет назад подчеркнул бывший главный редактор «Коммерсанта» А. Васильев. Изучение фактического материала показывает, что структура репортажа, стилиевые особенности, рас-

ставленные акценты определяются не только спецификой самого издания, его форматом, целевой аудиторией, но и установкой (стратегией), дискурсивным стилем журналиста. В этом смысле публикации А. Колесникова представляют яркий образец нового «кремлевского репортажа». Определение его жанровых особенностей и стратегий — задача наших дальнейших наблюдений и анализа.

ИЗМЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ.

С точки зрения «глобального намерения» (по Т. ван Дейку) цель репортажа о высших лицах государства носит не только информационный, но и регулятивный характер. Задача журналиста не просто рассказать о событиях, в которых участвует президент или премьер-министр, но **закрепить в модели мира адресата представления о выполняемой ими миссии, вызвать эмоции одобрения государственной политики и сопричастности ей** (выделение наше — О. И.). При этом роль репортера традиционно заключалась в максимальном приближении к объективной картине события и минимизации собственного «присутствия в кадре». Примером подобного официального репортажа может служить фрагмент следующего сообщения:

Накануне юбилейного Дня шахтера Владимир Путин поздравил с праздником свыше 500 горняков и ветеранов отрасли. Президент заверил, что власти не бросят их, если грянет кризис, да и в более спокойные времена будут помогать.

<...> „Шахтеры заслужили такое внимание со стороны государства и наших граждан. Это без преувеличения праздник настоящих тружеников, сильных, смелых людей, которые всегда подставят плечо в трудное время и на которых можно положиться“, — сказал президент. „Вы действительно люди крепкой, проверенной породы“, — добавил он, отметив традиции настоящего братства горняцких династий. „Горняки никогда страну не подводили и в будущем никогда не подведут, будут добиваться максимальных результатов“, — уверен Путин.

„Шахтерский, горняцкий хлеб никогда не доставался легко. Он добывается потом, а порой, к сожалению, и кровью“, — продолжил глава государства. Напомнив о проблемах, с которыми пришлось столкнуться в 90-х годах, когда „кое-кто пытался поставить точку на отрасли, объявив ее бесперспективной“, он констатировал, что сейчас угледобыча и горнорудное дело в России уверенно развиваются благодаря господдержке и в первую очередь шахтер-

скому труду [Латухина 2012].

В репортажах А. Колесникова задача формирования имиджа сохраняется, но фокус смещается с «объективной» фиксации деятельности главного персонажа в сторону «возбуждения эмоции одобрения». И решается эта задача принципиально иными способами, чем раньше. Стратегию журналиста можно назвать иронико-эмпатической (от психологического термина *эмпатия*, означающего способность к постижению эмоционального состояния другого человека, эмоциональную рефлексивность индивида). С одной стороны, в репортажах очевидна ироническая позиция комментатора событий, с другой — это позиция не оппонента, но человека «из своего лагеря», не «чужого», а готового поставить себя на место главного действующего лица и не скрывающего симпатии к нему.

Остановимся на приемах создания иронической модальности как дискурсивной доминанты нового жанра и журналистского стиля Андрея Колесникова.

В чем обнаруживает себя ироническая интенция автора репортажей? Ответ на этот вопрос тесно связан с природой иронии и ее проявлениями.

В современных концепциях иронии традиционно выделяются эстетический и лингвистический подходы [Масленникова 1999; Походня 1989; Сергиенко 1994; Саниева, Давыдов 2000; Санников 1999; Чернец 2001]. Разнообразие философских, литературоведческих, лингвистических концепций иронии связано с ее мировоззренческой неустойчивостью. «Невозможно мыслить иронию не ироническим способом, а только вводя это понятие внутрь своего собственного принципа; не существует метаязыка, на котором можно определить данный феномен», — уверен Е. А. Найман [Найман 1994: 7]. О недостаточной разработанности методов анализа иронического текста говорит и В. В. Дементьев, отмечая возможность различного определения базовой единицы категории иронии и ее коммуникативного либо когнитивного характера [Дементьев 2000: 184].

Современная лингвистика рассматривает иронию в двух аспектах: как стилистическую фигуру и как явление, возникающее в акте коммуникации. В свете наших задач последний аспект представляет наибольший интерес. Он был обозначен почти два десятилетия назад в работе С. И. Походни: «В силу своей многогранности ирония сопрягает семантику языковых единиц с их естественным коммуникативным окружением» [Походня 1989: 8]. По мнению ученого, иронические смыслы указывают «на наличие

сложных корреляций семантики слов со всей текстовой ситуацией в целом, <...> утверждая тем самым иронию как элемент мировоззрения, отношение индивидуума к миру» [Там же: 116].

Эту исследовательскую линию продолжает А. А. Масленникова, отмечая, что в сфере коммуникации иронические смыслы включают проявления эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету коммуникации или адресату, начиная от отношения говорящего к смыслу собственных слов до желания или нежелания осуществлять коммуникацию [Масленникова 1999: 24].

В связи с проблемой иронии в современной лингвистике обсуждаются различные фигуры и феномены двусмысленной речи: антифразис и астеизм, диалогия (каламбур), цитация, парадокс, эвфемизация, энантиосемия и др. [Москвин 2002; Санников 1999; Чуич 1994 и др.]. К лингвокогнитивным механизмам создания иронического смысла, на наш взгляд, следует отнести и процедуру рефрейминга [См. об этом: Иссерс 2009: 216—229]. Большинство из перечисленных выше приемов находит применение в иронических репортажах А. Колесникова.

«Кто, где, когда»: ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ И РАЗРУШЕНИЯ РАМКИ СИТУАЦИИ. Когнитивные стратегии производства текстов новостей (к которым относится и репортаж) существенно отличаются от стратегий производства других текстов. Основной принцип, которой обусловливает трансформацию события в газетный текст, — это принцип релевантности (значимости) тех или иных тем для читателя и издания [Дейк 1989]. Заголовок, вводка и содержание текста представляют собой сложное единство, которое функционирует по иным законам, нежели, например, учебные или научные тексты. В связи с этим в типологии газетных заголовков выделяются однонаправленные заголовки, отражающие лишь один содержательный элемент текста, и комплексные, отражающие два и более элементов текста; неполноинформативные (пунктирные), в которых присутствует только сигнал о предмете речи или его признаке, и полноинформативные [Лазарева 2004: 28—39].

В статьях А. Колесникова заголовки в большинстве случаев относятся к типу однонаправленных неполноинформативных, поскольку отражает не основную событийную информацию, а один эпизод, далеко не самый существенный. Указанная особенность построения текста нередко используется для повышения выразительности публикации, создания интриги и является типичным приемом в СМИ [Добросклонская 2008; Клушина 2003 и др.].

В публикациях А. Колесникова заголовок, по сути, является провокационным приемом выстраивания диалога с читателем, своего рода «игрой в интерпретацию», предложением догадаться о возможных темах новостного дискурса. Поскольку заголовок обладает функцией усиления вынесенной в заглавие темы, он является обычным механизмом трансформации исходных событий и высказываний в журналистском тексте [Ср.: Гловинская 1998]. В результате у читателя складывается собственная семантическая макроструктура события, в которой наиболее значимые с информационной точки зрения аспекты не всегда оказываются на вершине.

Многие из заголовков публикаций А. Колесникова основаны на трансформации фразеологизмов, прецедентных высказываний и оставляют читателю так называемую «ироническую свободу» (И. Осиновская) поиска смысла, не ограниченную рамками официального репортажа: *Владимира Путина вывели на чистую воду* (о строительстве очистных сооружений в Ростове-на-Дону), *Свой среди армян* (о выступлении на учредительном съезде Всемирной армянской организации), *Александр Лукашенко заработал на чай* (о том, что в Кремле после переговоров с президентом Белоруссии Лукашенко ввиду дефицита времени отменили обед и устроили «ритуальное чаепитие»), *Владимир Путин подсластил Ахмаду Кадырову* (о визите А. Кадырова в сочинскую резиденцию; в материале вскользь упоминается, что «господин Кадыров пил чай с сахаром, а Путин — без») и т. п.

Специфически «колесниковское» моделирование рамки официальной ситуации начинается с заголовка и продолжается в первом абзаце новостного текста — вводке, или лиде (от англ. *lid* 'крышка' — прим. ред.). Сложившаяся на протяжении многих десятилетий практика отечественной печати требует в официальном репортаже четкого и однозначного обозначения места, времени и участников событий. На первый взгляд, у А. Колесникова эта традиция находит продолжение: *29 августа президент России Владимир Путин прилетел в Италию на остров Сардиния*. Однако следующая после канонически хронотопического зачина фраза разрушает сложившийся стереотип, ломая рамку серьезной модальности официальной хроники: *Какая же все-таки это неблагодарная работа — освещать визиты президента России! Пора, наконец, сказать об этом во весь голос. Часами ждать и надеяться, ждать и надеяться... А он опаздывает, и это неотвратимо, как судьба.*

А потом он появляется, и это еще хуже, потому что начинается эта безумная гонка наперегонки со временем, и ты понимаешь, что это время уходит как песок сквозь пальцы... [Колесников 2005: 39].

Прием ломки стереотипа классической репортажной вводки заключается в том, что вместо главных действующих лиц репортажа «в первом акте» на авансцену выходит журналист — со своими эмоциями, рефлексией, ассоциациями: *19 августа президент России Владимир Путин, поднявшись в воздух с аэродрома Летно-исследовательского института имени Чкалова в городе Жуковском после посещения авиасалона „МАКС-2003“, прилетел в Курск, чтобы отпраздновать вместе с его жителями 60-летнюю годовщину Курской битвы. Как я убедился, исход этой битвы до сих пор неясен* Там же: 32]; *21 июля президент России Владимир Путин в простом русском городе Петрозаводске сделал то, что до него удалось только одному человеку. Человека этого звали, как известно, Иисус Христос* [Там же: 19].

3 сентября президент России Владимир Путин посетил с рабочим визитом очистные сооружения города Ростова-на-Дону. А до него все это пришлось нюхать мне (там же:46).

Продолжая апробированную уже в первом абзаце стратегию ломки стереотипов, автор применяет тактику расширения контекста события, включая в него самые неожиданные сюжеты и зарисовки: как ожидали журналисты первых лиц государства, как происходили приветствия, какова «сцена действия», что было «до того» и т. д. Например, репортаж с ежегодной пресс-конференции В. Путина в Кремле начинается так: *Ожидание встречи с прекрасным 1 февраля 2007 года было, как всегда, нервным. В партере не хватало свободных мест. К тому же участники мероприятия, попав в зал, долго не могли согреться* [Колесников 2008: 36].

Репортаж о встрече в 2005 г. президента России с мэром Москвы Юрием Лужковым, которому было поручено стать сопредседателем Совета мудрецов России и Японии, начинается с воспроизведения пространного диалога ее участников, не имеющего, на первый взгляд, информационной насыщенности, а лишь анонсирующего тему. Однако именно через это «замедление» репортажного сюжета журналист легко вычленяет сверхзадачу встречи.

Судя по тому, с каким энтузиазмом оба участника встречи подчеркивали, что господин Лужков нынче в отпуске, встреча носила откровенно предвыборный характер.

— Я знаю, вы в отпуске, — мягко произнес господин Путин.

— Да, — с беззаботной улыбкой отпускника подтвердил господин Лужков.

— Тогда мы не будем обсуждать хозяйственные и внутривластные вопросы.

— Нет, не будем, — неторопливо покачал головой господин Лужков.

— А обсудим международные проблемы! — предложил президент.

— Конечно, — со светлой улыбкой согласился мэр.

В самом деле, разве можно предложить отпускнику более увлекательную и легкомысленную тему для разговора? [Колесников 2005: 221].

Как не раз было замечено, «контекст сегодня является важнейшим из искусств» (А. Архангельский), и практика «нового репортажа» подтверждает зависимость рассматриваемого жанра от мастерства создания широкого контекста.

ПРАВО НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ. К числу содержательных составляющих, которые формируют широкий контекст, можно отнести и активное проявление в журналистских текстах официальной тематики личностного начала, что труднопредставимо в традициях классического кремлевского репортажа. Это отсылки к личному опыту, описание собственных вопросов и их мотивов, иронические оценки и комментарии, метакоммуникационные ремарки, предположения о чувствах и мыслях героев. Можно сказать, автор предлагает читателю своего рода «игру в интерпретацию», оставляя за собой право на субъективизм, вольное истолкование, намеренное отступление от законов жанра и логики репортажного сюжета.

Телеведущий Дм. Киселев поинтересовался, как готовилось президентское послание и на каком этапе появилась эта фраза — „товарищ волк знает, кого кушать“.

В. Путин ответил удивительно подробно. Мне показалось, он вообще-то очень хотел об этом рассказать. Ему нечего было стыдиться того, как готовилось это послание, ибо единственным его автором, как можно было понять из этого увлекательного рассказа, был он сам [Колесников 2008: 23].

«Чтение в сердцах», как называл одну из полемических уловок С. И. Поварнин, здесь применяется с особой целью — создания эмпатии: автору нужно заставить читателя стать ближе к герою репортажа, испытать его психологическое состояние, понять ход мыслей. Однако по законам иронии автор не сливается со своим героем, а дистанцирует-

ся от него, обнажая не только «державные» мысли и чувства главы государства, но и те, которые составляют его личные черты как частного лица, индивида. Заметим, что дистанцирование, ироническое отстранение, по мнению И. А. Осинской, является одним из ярких признаков писателя-ироника [Осинская 2002: 268].

Маркерами иронической интерпретации слов и действий героя выступают показатели субъективной модальности и авторской эмоциональной оценки: *А Владимиру Путину надо было, казалось, что-то делать. Может быть, следовало отказаться от собственного приветственного слова. Его ведь, думал я, на глазах всего мира делают единомышленником в деле освободительной борьбы мусульманского мира против иудейского. <...> Владимир Путин, видимо, считал, что критическое мгновение пока не наступило. <...> Выступление Владимира Путина было очень позитивным, прозрачным и эффективным. Он не сказал ничего такого, что могло бы задеть хоть кого-нибудь не только в этом зале, но и на этом свете. Да и на том тоже* [Колесников 2005: 164].

Недекларированным, но «узаконенным дискурсивной практикой» правом на интерпретацию А. Колесников пользуется постоянно, о чем, в частности, свидетельствует обилие поясняющих конструкций:

Чрезвычайно интересным был рассказ о том, как готовилось послание.

— Для начала я просто сформулировал то, что хотел бы сам увидеть, руководству администрации, — сказал президент. — Получил, так сказать, предварительный макет этого послания. Коллеги на меня обидятся... Я посчитал, что он не соответствует тому, о чем я хотел бы сказать.

То есть президент прямо сказал, что его администрация с задачей не справилась, хотя задача на первый взгляд не отличалась особой сложностью. Надо было всего-навсего обработать мысль президента [Колесников 2008: 25].

Заметим, что президент высказал свою мысль отнюдь не прямо, однако журналист-интерпретатор придал ей форму категоричного утверждения, усилив негативную оценку исполнителей.

К интерпретационным приемам иронического письма Андрея Колесникова можно отнести и контекстуальный рефрейминг, направленный на переосмысление события за счет смещения фокуса читательского внимания и изменения рамки ситуации [См. об этом подробнее: Иссерс 2009]. В результате

официальные события обретают совсем иное, вплоть до эротического, содержание.

Российский президент и итальянский премьер-министр встали возле красной ленточки, которую предстояло перерезать двумя ножницами, лежащими на серебряном подносе. Поднос держала в руках девушка по имени Оксана.

Оксану отобрала для этой церемонии фирма Merloni из нескольких десятков девушек, работающих в модельных агентствах. Почти все и без того немногочисленные пуговицы на одежде Оксаны были растегнуты, и от этого ей было холодно. А многим рядом с ней, конечно, жарко — от этого же [Колесников 2010: 113].

Близким по сути иронической трансформации приемом является обыгрывание метафоры, не просто разрушающее серьезную тональность официальной хроники (встреча со спортсменами-олимпийцами), а переводящее событие в весьма фривольную плоскость:

Двухкратная олимпийская чемпионка по синхронному плаванию Анастасия Давыдова, стоя рядом с Владимиром Путиным и приманивая его четырьмя блестящими мормышками на языке (чей-то извращенный ум когда-то назвал то, что она с собой сделала, красивым словом „пирсинг“), произнесла ответное слово от имени спортсменов. Мормышки во рту не мешали сказать ей, что в великой стране с таким великим президентом, как Владимир Путин, должны быть только великие победы.

Владимир Путин, кажется, клюнул [Там же: 115].

Негласные правила «интерпретационной игры», предлагаемой А. Колесниковым читателю, допускают не только вольную, но и ошибочную интерпретацию, в которой автор не стесняется признаться: *Я решил было, что мы (российские журналисты — О. И.), значит, вредны, но выяснилось, что президент не закончил [Там же:35].*

Особенностью трансформированного жанра является авторская рефлексия, которая регулярно фокусируется не только на содержании речей главного лица официального репортажа, но и на невербальных характеристиках (интонационных, ритмических, паралингвистических и др.), актуальных для создания его имиджа. Так, в репортаже о встрече президента В. Путина с сотрудниками ВГТРК, где задавалось немало острых вопросов, вкрапление «метакоммуникационных ремарок» является регулярным: *Владимир Путин сделал небольшую паузу — кажется, только для того, что-*

бы набрать в легкие побольше воздуха [Там же: 32]; Владимир Путин, кажется, наконец-то выдохнул. Но нет, показалось [Там же: 33]; Ключевой в ответе была, разумеется, последняя фраза [Там же: 28]; Президент, видимо, хотел сказать, что они (западные журналисты — О. И.) на порядок компетентнее российских, но, как и в послании, говоря про волка, сдержался [Там же: 35].

При этом журналист нередко полемизирует с нежелательными для образа героя интерпретациями потенциальных недоброжелателей (известный в искусстве спора прием создания оппонента-чучела), однако и полемика эта обретает ироническую окраску, провоцируя читателя на необходимый автору вывод:

В этот момент в цех наладки вошел президент Российской Федерации Владимир Путин. Воды на полу в некоторых местах было уже по щиколотку, и она постоянно продолжала прибывать. Путь к отступлению мгновенно оказался отрезан. Но Владимир Путин и не собирался отступать. <...>Что должен был сделать президент страны, претендующей на то, чтобы снова стать великой? То же, что и сделал Владимир Путин: пойти по воде. И он пошел.

Злые языки скажут, что если бы не близкий старт предвыборной кампании, то, может, Владимир Путин повел бы себя по-другому. Может, он пожелал бы, оставшись на парашюте, выслушать подробный рассказ о принципах действия бумагодельной машины. Может, придумал бы что-нибудь еще. Но мне все-таки кажется, что в тот драматичный для всей истории нашей страны момент, когда все могло остановиться на парашюте или даже повернуть вспять, президент меньше всего думал о своем рейтинге. В лучшем случае он думал о том, удастся ли потом спасти ботинки [Колесников 2005: 19—22].

Поскольку заголовок содержит аллюзию на известный библейский сюжет (*Владимир Путин попал в аварийную ситуацию. И пошел по воде аки по суху*), включение в репортаж интерпретации замысла главного героя в контексте его якобы судьбоносного для страны решения обретает почти комический смысл.

В числе излюбленных интерпретационных приемов А. Колесникова, эксплуатирующих жанр пересказа, — редукция смысла, заложенного в словах героя репортажа: *...Таким образом, подтвердилось подозрение, в которое очень не хотелось верить:*

мы живем во враждебном окружении, в мире, состоящем из угроз и вызовов, производством которых занимается противник. Его и **вероятным** назвать уже неправильно. Нет, это просто **невероятный противник**. Самая главная угроза исходит, как всегда, от нас самих [Колесников 2008: 23]; Во время пресс-конференции Владимир Путин еще несколько раз возвращался к деятельности правительства, и было очевидно, что эта деятельность — то не многое, что не впечатляет его в современной российской действительности [Там же: 25].

Скажи, чтоб я тебя увидел. В сферу иронических смыслов вовлекаются и речевые характеристики героев. Автор, как легко предположить, намеренно включает в текст дословные цитаты, ярко маркирующие героя его репортажа: **Только сейчас сотрудника ЦРУ, как у нас говорят, упаковали** [Колесников 2008: 27].

Наибольший эффект в создании полноценного имиджа главы государства дают прецедентные слова и высказывания, представленные, с одной стороны, яркими, образными выражениями, а с другой — штампами и канцеляритом: **Зачем распахивать по районным больницам дорогостоящее оборудование? — спросил он. — Чтобы деньги смылить?** [Колесников 2005: 19]; **Президент, таким образом, предупредил, что до марта 2008 года его не надо считать „хромой уткой“** [Колесников 2008: 30]; **Президент похвалил действия Центробанка и заметил, что за правительством есть еще „должок по судостроению“** [Там же: 34]; **Господин Путин поздравил собравшихся с юбилеем и сказал, что „продукт, который ВГТРК предоставляет в наше распоряжение“, является очень важным для страны, „которая находится на переломном пути своего развития, и здесь каждое слово имеет значение для миллионов людей“** [Там же: 22]; **Я буду ответственно относиться к исполнению своего долга до последней минуты исполнения обязанностей президента страны** [Там же: 29].

В аспекте анализа приемов создания иронических контекстов интересно вспомнить об «ироническом умолчании» и «ироническом бездействии» [Осиновская 2002: 255—262]. В рассматриваемых текстах репортажей многие выразительные в плане имиджевых характеристик высказывания остаются без авторского комментария, тем самым читателю предоставляется возможность самостоятельно обнаружить имплицитные смыслы (о функциях цитаты в медиатексте см. подробнее см.: [Варченко

2012: 104—110]).

Яркой приметой дискурсивного стиля А. Колесникова является рефлексия по поводу лексического и — шире — языкового выбора героев репортажей: **Впервые он назвал события в Чечне не просто войной, а гражданской войной. Очевидно, президент мог позволить себе это, ибо считал, что в этой войне уже есть победитель** [Колесников 2008: 24]; **Первый вопрос был о судьбе директора сельской школы А. Поносова, которого судят за то, что он закупил для своих учеников компьютеры с нелегальным программным обеспечением. Президент, заявив, что он не в курсе этой истории (во что, впрочем, верится с трудом, ибо тогда это означает, что он вообще не смотрит телевизионные новости и не читает газет), при этом с готовностью прокомментировал эту ситуацию: „Чушь собачья!“ В наших условиях это равносильно приговору за отсутствием состава преступления. С этой точки зрения, я считаю, сразу окупилась все расходы на проведение этого затратного мероприятия** [Там же: 31]; **Владимиру Путину так не нравилось слово „преемник“, что начинало казаться, будто саму идею насчет преемника и, может, даже само слово „преемник“ придумали журналисты** [Там же: 35].

Шутливо о серьезном: выбор слова и приемы языковой игры. Журналист Колесников не только прицельно работает с чужим словом, но и весьма раскованно осуществляет выбор своего, авторского: обозначения главных действующих лиц его репортажей и их действий, атрибутов и деталей ситуативного контекста находятся на грани дозволенного негласными правилами официальной хроники.

После этого господину Путину дали ненадолго передохнуть. Журналистка балзаковского возраста в матроске юнги назвала господина Путина „несравненным“ и тут же получила то, что хотела: он признался, что она его смущает. Они **ворковали друг с другом еще некоторое время** [Колесников 2008: 41].

О появлении президента на пресс-конференции: **Ожидание встречи с прекрасным 1 февраля 2007 года было, как всегда, нервным** [Там же: 36].

1 марта состоялась церемония объявления лауреата одной из главных национальных премий — должности премьер-министра страны [Колесников 2005: 357].

Войдя, президент, как обычно, поздоровался за руку со всеми участниками заседания. Первым за его руку поддержался депутат „Яблока“ Владимир Лукин. Как

только президент отошел, господин Лукин, до этого **довольно бодро бежавший** вокруг стола (совет все-таки по физкультуре), **как подкошенный рухнул в кресло**, в то время как остальные дожидались, пока президент не обойдет весь стол. <...> Я даже, например, встревожился, не отнялись ли после этого рукопожатия у господина Лукина ноги [Там же: 127].

Одним из действенных способов создания иронии является переосмысление узального значения лексемы через придание слову каламбурной многозначности (см. об этом: [Санников1999: 506]). Развернутые «псевдоэтимологические» толкования слов являются еще одним ресурсом иронического репортажа. Так, в сообщении из Таиланда журналист размышляет о тайцах, вынужденных стоять в дорожных пробках: **Терпимость, заложенная Буддой в этих людях, все время дает о себе знать. Так, они с легкостью терпят присутствие на улицах антиглобалистов. Антиглобалисты — тоже почти все тайцы. Их мало, и сами они очень терпеливые люди. Ведь для того, чтобы сидеть маленькими кружочками целый день под палящим тридцатипятиградусным солнцем и ревущими монорельсами в каменных джунглях, которые представляет собой этот далекий город Бангкок, и никого ни о чем не просить и вообще ни на чем не настаивать, нужно очень много терпения. И вот они терпят — по сути, самих себя** [Колесников 2005: 167].

К числу традиционных способов создания иронического смысла, описанных в основном в исследованиях разговорной речи и языковой игры, относится «эксплуатация» системных отношений в лексике. Новый кремлевский репортаж открыт для игр со словом, использующих ресурсы полисемии, омонимии, антонимии, многозначности, стилистического контраста, а также нарушения лексической сочетаемости: **...мы живем во враждебном окружении, в мире, состоящем из угроз и вызовов, производством которых занимается противник. Его и вероятным назвать уже неправильно. Нет, это просто невероятный противник** [Колесников 2008: 23]; о саммите, на который не смогли прилететь российские бизнесмены: **Наши люди могли, конечно, переждать бурю в какой-нибудь комфортабельной пустыне по соседству с Таиландом, а потом смерти вопреки все же долететь до делового саммита. Но оказалось, что у олигархов есть гордость. Они улетели в Москву. В душах их теперь мерцает огонь мщениа. Похоже, черные дни настают для**

тайского бизнеса. Не придут в него российские инвестиции [Колесников 2005: 169].

Языковая игра обнаруживается и в использовании грамматически контрастных форм (прием, детально описанный Е. Н. Ремчуковой [Ремчукова 2005]): **Я тем временем поглядел на руководство парламентского большинства. Эти люди сидели, сгрудившись за столом с видом заговорщиков, чей заговор зрел медленно и печально и вот созрел** [Колесников 2005: 354].

Завершая краткий обзор приемов работы со словом в репортаже об официальных событиях с участием высших должностных лиц государства, уместно вспомнить меткое замечание В. З. Санникова по поводу относительной самостоятельности языковых шуток: «...в отличие от юмора и, в какой-то степени, от иронии и сатиры, которые в ряде случаев читаются между строк, как бы разлиты по всему тексту, <...> словесная шутка сохраняет автономию в структуре произведения и может быть извлечена из него [Санников 1999: 23]. Однако наши наблюдения за иронической стратегией репортажей А. Колесникова свидетельствуют об обратном: будучи извлеченными из контекста ситуации и жанра, многие примеры языковой игры теряют свой комический потенциал.

Обобщая наши наблюдения за стратегией переосмысления традиционного журналистского жанра в его «кремлевской» разновидности, попробуем сделать некоторые выводы.

Публикации А. Колесникова, написанные им в период пребывания в «кремлевском пуле», явились мощным толчком, разрушающим стереотипы одного из канонических жанров отечественной журналистики. Это не значит, что все современные репортажи о российской политической жизни обрели ироническую тональность, — отнюдь нет. Однако элементы «иронической свободы» стали все чаще обнаруживаться и в такой строго регламентированной области, как официальный кремлевский репортаж.

В контексте наших размышлений об особенностях новой дискурсивной практики, апробированной А. Колесниковым и подхваченной другими журналистами, нельзя не вспомнить идею американского исследователя Р. Рорти о «конечном словаре личности». Под ним подразумевается словарный запас человека, которым он способен выразить всю свою систему представлений. Ироник же «всегда и беспрестанно сомневается в конечном словаре, которым он пользуется в настоящее время, потому что на него уже произвели впечатление другие словари. <...> Противоположность иронии — здравый

смысл. Ибо это пароль тех, кто бессознательно описывает важное в терминах конечного словаря, к которому они <...> привыкли» [Рорти 1996: 103—104]. Разрушение (или расширение?) «конечного словаря», будто бы окончательно приспособленного для описания отдельных фрагментов картины мира (в нашем случае — официальной жизни высших должностных лиц государства), происходит в дискурсивных практиках.

Наблюдение за особенностями современных кремлевских репортажей позволяет говорить о том, что изменение установки журналистов «описывать важное в терминах конечного словаря» активно влияет и на процесс формирования, укрепления или трансформации имиджа первых лиц государства.

Изучение функционирования «нового старого» жанра официального репортажа актуально как в свете технологий создания имиджа президента, премьер-министра, членов правительства, так и в аспекте формирования новых практик современного политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык. — М., 1991.
2. Варченко В. В. Цитатная речь в медиатексте. — М.: Либроком, 2012.
3. Гловинская М. Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка. — М., 1998. С. 14—30.
4. Дейк ван Т. Структура новостей в прессе // Язык, познание, коммуникация. — М., 1989. С. 228—267.
5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. — Саратов, 2000.
6. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие. — М.: КДУ, 2008.
7. Иссерс О. С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности // Лингвистика креатива: коллект. моногр. / отв. ред. Т. А. Гридина; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. С. 216—229.
8. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2003. С. 195—210.
9. Кремлевский пул. Жизнь президентского обота. URL: <http://www.compromat.ru> (дата обращения: 12.07.2010).
10. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реализации. — Екатеринбург; Пермь:

ЗУУНЦ, 1995.

11. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. — Екатеринбург, 2004. С. 28—39.
12. Масленникова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1999.
13. Мельник Г. С., Ким М. Н. Методы журналистики: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2006.
14. Москвин В. П. Фигуры двусмысленной речи // Русский язык в школе. 2002. № 2. С. 86—90.
15. Найман Е. А. Онтологизм иронии // Проблемы исследования знания и культуры. — Томск, 1994. Рукоп. деп. В ИНИОН РАН. Деп. № 49627. С. 72—76.
16. Осинская И. А. Поэтика иронии // Труды членов Рос. филос. о-ва. — М., 2002. Вып. 2. С. 254—290.
17. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. — Киев, 1989.
18. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. — М.: Изд-во РУДН, 2005.
19. Рорти Р. Случайность, Ирония и Солидарность. — М., 1996.
20. Саниева И., Давыдов В. Ирония. История вопроса // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. науч. тр. — М., 2000. Вып. 12. С. 54—69.
21. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999.
22. Сергиенко А. В. О природе иронии как проявлении импликации (на материале прозы Г. Гейне) // Семантические процессы на разных уровнях языковой системы. — Саратов, 1994. С. 157—163.
23. Советское прошлое и культура настоящего: моногр.: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2.
24. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. — М., 2005.
25. Чернец Л. В. Ирония как стилистический прием // Русская словесность. 2001. № 5. С. 69—72.
26. Чуич Н. Н. Парадоксы интерпретации «иронического текста» // Понимание и интерпретация текста. — Тверь, 1994. С. 123—129.
27. Шibaева Л. В. Жанры в теории и практике журналистики. URL: <http://www.library.cjes.ru> (дата обращения: 19.08.2011).

ИСТОЧНИКИ

28. Колесников А. Раздвоение ВВП: как Путин Медведева выбирал. — М.: «Коммерсант»: Эксмо, 2008.
29. Колесников А. Меня Путин видел. — М., 2005б.
30. Колесников А. Я Путина видел. — М., 2005а.
31. Колесников А. Фарс-мажор-2. — М., 2010.
32. Латухина К. Под острым углом // Российская газета. 2012. 20 авг. № 5864. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/20/shahtery-site.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов